

Фарфор «от кутюр»

Валентин РОЗАНОВ — один из интереснейших художников России, его творчество тесно связано с традициями гжельской керамики. В объединении «Гжель» мастер проработал двадцать лет. Он создал более трехсот работ, которые экспонировались на 73 выставках в разных странах мира. Многие из них были удостоены дипломов и наград. Лучшие керамические изделия хранятся в коллекциях восемнадцати музеев России, в том числе, в Государственном Русском музее, Государственном Историческом музее.

Сейчас художник все чаще обращается к исторической, православной тематике. Оригинальны его серии декоративных тарелок и пасхальных яиц с изображениями архитектурных памятников и храмов Москвы. В творческом багаже Розанова есть и уникальные монументальные произведения — это фарфоровый иконостас для храма Ильи Пророка в селе Ильинском в Подмосковье.

Недавно Валентин Розанов отметил тридцатилетие творческой деятельности.

— Валентин Гельевич, почему вы выбрали именно керамику?

— Я занимался в детской изостудии и постепенно от рисунка перешел к лепке. Форма дает больше возможностей для самовыражения, чем плоскость. Тем более Раменский район славится уникальной глиной. Я раскопал свой маленький участок и добывал на нем глину. Соорудил домашнюю печь, где обжигал свои произведения. Процесс все больше увлекал — мне хотелось лепить беспрерывно.

— Как в вашу судьбу вошло знаменитое объединение «Гжель»?

— Любое творчество — это плавное движение. Одно переходит в другое, и постепенно художник приходит к каким-то ярким открытиям. Собственно, похожий процесс происходит и в науке. Очень редко бывает иначе: вспышка и — гениальное открытие или произведение.

«Гжель» стала для меня очередным и главным этапом в

творческой жизни. Я пришел сюда в девятнадцать лет, сразу после окончания Абрамцевского художественного училища. Начинать простым живописцем, потом работать старшим художником творческой группы по фарфору. Постепенно дорос до главного художника одного из предприятий.

Гжель близка моей душе. Ведь это — колоссальная традиция, и она притягивала меня как магнит. Мне близки темы, которые здесь разрабатывались и разрабатываются, способы выражения. Традиционное — значит испытанное временем. История гжели уходит в глубины веков, первые примитивные изделия из гжельской глины появились, когда еще стоянки древнего человека были. В летописях XIV века уже упоминаются глиняные сосуды, игрушки, другая утварь. Глина, к сожалению, материал хрупкий и мало что сохранилось из этих изделий. Есть и другие центры, где производят фарфор, но там нет таких богатых традиций. Поэтому мне повезло.

— Вы художник, образцы произведений которого широко тиражируются. Вас это не смущает?

— У меня есть знакомые художники, которые сидят в своих мастерских, разрабатывают идеи, создают единственные и неповторимые произведения, которые экспонируются на выставках. Я создаю образцы, которые можно тиражировать. Это как в моде: сначала «от кутюр», потом «прет-а-порте». Сначала — высокая идея. Потом тиражирование. И мне приятно, что многие из разработанных мною сервизов, сувениров живут не только в музеях, но и в обычных квартирах, домах, радуют своих владельцев.

И «прет-а-порте»

Иконостас должен отражать идею и атмосферу храма. Это как бы храм в храме. Несколько месяцев ушло на эскизы. В результате я пришел к цветному иконостасу. Потом мне говорили, что это физически сделать просто невозможно. Но мы этого не знали — и сделали. Такие заказы приходят как бы свыше. И особенно ценны.

— Какую из своих работ вы все-таки считаете самой уникальной и невозможной для тиражирования?

— Это особая история. Мне предложили нечто очень необычное — сделать фарфоровый иконостас в церкви Ильи Пророка в селе Ильинском в Подмосковье. Мне всегда интересно что-то новое, непознанное. У меня было несколько таких проектов, за которые никто не хотел браться. И тут вдруг — иконостас! Аналогов таких иконостасов нет. Храм очень старый, XVII века, у него своя история, когда-то это был дворовый храм сестры императрицы Елизаветы Федоровны. Отец Александр начал восстанавливать церковь буквально из руин. Искали хорошего керамиста. Я обрадовался этому предложению. Никогда ничего подобного не делал — и технология, и художественная разработка идеи были в новинку. Иконостас должен отражать идею и атмосферу храма. Это как бы храм в храме. Несколько месяцев ушло на эскизы. В результате я пришел к цветному иконостасу, оформлению для икон, отказался от сине-белой гаммы. Работа очень кропотливая. Потом мне говорили, что это физически сделать просто невозможно. Но мы этого не знали — и сделали. Такие заказы приходят как бы свыше. И особенно ценны.

— Есть у вас еще особо любимые работы?

— К 850-летию Москвы возникла идея разработать серию декоративных тарелок с изображениями московских памятников архитектуры, храмов. Очень большое удовольствие получил от серии сувениров: шкатулок в виде московских храмов, пасхальных яиц с рельефами и росписью на библейские сюжеты.

Каждый художник хочет оставить след на земле. А каким он будет, во многом зависит

от его внутреннего мира, состояния души. Я всегда и во всем стремлюсь к гармонии.

Необычна идея чайного сервиза «Москва золотоголовая», главный предмет которого — большой фарфоровый самовар, напоминающий по форме собор Василия Блаженного.

Такие вещи делать очень сложно — на их изготовление уходит несколько лет. Идея возникла, она выплывает на бумагу, идет поиск ее реального воплощения. Это непростой процесс, создаются сотни набросков, эскизов. Дальше уже вступают в действие специальные гончарные станки. Как правило, я делаю все сам — от эскиза до реальной вещи. Это не техническая деталь, которую можно вырезать по чертежу. В процессе лепки тоже возникают творческие моменты. Поэтому нельзя доверить воплощение своей идее какому-то другому человеку. Есть художники, которые проектируют на бумаге, а потом отдают эскизы мастеру. Я этого себе не позволяю. Образец я должен сделать от начала до конца. И только когда снята форма, я знаю, что эта вещь полностью моя. Если кто-то сделает повтор, то я узнаю чужую руку. Любая копия все равно будет отражением человека, который ее делал. Невозможно скопировать один к одному.

Особая часть творчества любого керамиста — пасхальные яйца. Пасхальное яйцо — это культовая вещь. В него можно заложить максимум информации и декоративности. Это самая совершенная форма на земле, поэтому так много художников к

ней обращались и обращаются. Возможности велики: это может быть и сюжет на библейскую тему, и просто пейзаж, орнамент. Поэтому один из самых традиционных подарков к Пасхе — фарфоровое яйцо с росписью. Я люблю возвращаться к этой теме, у меня целая серия пасхальных яиц.

Как любой художник получаю главное удовольствие в процессе работы. Я стараюсь вещь сделать наиболее выразительной, передать в ней какую-то часть души. Хочется двигаться вперед, совершенствовать свое искусство, поэтому самая любимая вещь всегда та, над которой работаешь или о которой мечтаешь.

— Есть ли у вас жизненная философия, которой вы придерживаетесь и которую стараетесь отразить в своем творчестве?

— Моя жизненная философия выражена в моих вещах. И, наверное, посмотрев произведение любого состоявшегося художника, сразу можно понять его философию. Если он работает, потому что не может не работать, это сразу видно. Самое главное для меня — гармония. Каждый художник хочет оставить след на земле. А каким он будет, во многом зависит от его внутреннего мира, состояния души. Я всегда и во всем стремлюсь к гармонии. И очень надеюсь, что это ощущают те, кто соприкасается с моим искусством.

Беседовала
Татьяна ХАРЛАМОВА

